

ЕЛИЗАВЕТА
ДВОРЕЦКАЯ

Неладная
СИЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Δ24

Иллюстрация на переплете Ю. Пасынковой

Иллюстрация во внутреннем оформлении Е. Лукомской

Дворецкая, Елизавета.

Δ24 Неладная сила / Елизавета Дворецкая. — Москва :
Эксмо, 2026. — 640 с. : ил.

ISBN 978-5-04-235379-6

Новгородская Русь, XIII век.

Судьба нескольких человек переплелась, когда из земли су-
межской явился забытый идол, а из озера Игорева — гроб с де-
вушкой, прекрасной и пугающей. Её явление нарушило хрупкое
равновесие между мирами.

Бывшему волхву Куприяну придётся сделать выбор: остаться
добропорядочным хозяином или вновь встать на тропу древней
силы. Его племянница Устинья, не веря в чудо, бросит вызов судь-
бе, а кузнец Демка решится на поход в самое сердце лесного мра-
ка, где решается участь всего Сумежья.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235379-6

© Дворецкая Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Молодой князь Игорь дремал, утомленный утренним ловом. Лето едва началось, но с ясного неба пролилась настоящая жара. Веяло духом раскрывшейся листвы и влажной земли — после долгого зимнего оцепенения земли и неба дух этот пьянил. За откинутым пологом шатра солнце самому себе слало тысячи улыбок, отраженных в гладких водах Змеева озера. Позади шумел на плотном ветру Змеев бор, где-то рядом переговаривались отроки — судя по азартным возгласам, играли в кости, спрятавшись в тень берез. Все были довольны: лов удался, люди объелись жареным мясом молодых кабанчиков, псы получили требуху. К древнему каменному идолу здешнего бога, что прятался в лесу в сотне шагов от опушки, Игорь сам отнес головы и передние ноги вепрей. Когда-то, еще отроком, впервые прибыв в эти места к востоку от Новгорода, он расспрашивал стариков, что это за бог, но никто не знал его имени: дескать, с ранних времен стоит, да и все. Даже кривой дед Замора, хранитель Змеева камня, только качал головой: тоже не знал, а может, считал это знание лишним для непосвященных. Очертания обтесанного серого камня в локоть высотой ясно давали понять, что сила его — в умножении всего живого, и князь не забывал поделиться с ним всем, что получал на лову или как дань.

Повеяло озерной влагой, прямо за спиной раздался легкий шорох. Игорь слегка вздрогнул от неожиданности — кому тут быть, он же в шатре один? Мелькнула неясная —

и невероятная — мысль о каком-то звере, забравшемся в шатер... и не успел князь оглянуться, как что-то пощекотало ему шею. Послышался тихий низкий смешок. Изумленный Игорь живо повернулся и схватил кого-то, кто оказался вплотную позади него.

Увидев, кто нарушил его покой, Игорь охнул. Это была Талица — единственная женщина в дружине. Настоящее ее имя было Евталия, и Стремил, один из Игоревых старших гридей, привез ее из похода на Царьград. Лет семнадцати, вдвое моложе Стремила, высокая, худощавая и стройная, она была светловолоса, с тонкими чертами лица, с глазами небесной голубизны — и не подумаешь, что гречанка. Пленниц в том походе захватили много, но при виде Евталии Стремил обезумел от любви и затребовал себе, готовый отказаться от прочей добычи. Возил с собой в походы по Руси — не мог расстаться, да и боялся оставить одну, без родных, без опоры, чужую и обычаем, и вере русов. Даже русской речью она пару лет спустя владела неуверенно. Гордой прямой осанкой Евталия не уступила бы княгине, Игоревой жене, но в чертах ее прекрасного лица навек застыло тревожное, замкнутое выражение. Стремил обращался с ней как мог лучше, баловал нарядами и украшениями, ревниво присматривал, не поглядит ли она на кого-то из отроков помоложе. Но Евталия поводов для ревности не давала: редко поднимала глаза, была молчалива и грустна. Счастья в этом браке, куда ее вовлекли против воли, в чужой языческой стране она не нашла, но по виду смирилась со своей долей.

Игорь привык видеть ее где-то поодаль от мужчин. Она старалась как можно меньше попадаться на глаза и во время походных стоянок редко показывалась из Стремилова шатра. Имя Талица, данное ей русами, хорошо подходило к ее тонкому лицу: в его белизне, в хрупкости всего облика было что-то от прозрачной тающей льдинки, которая

ПРОЛОГ

вот-вот превратится в ручеек слез уходящей зимы, а потом и вовсе растает.

И уж чего Игорь не ожидал, так это увидеть Стремилкову жену в своем шатре. Одетая лишь в белую сорочку из мягкого прохладного шелка, она лежала на спине и, встретив его потрясенный взгляд, с выразительным призывом распахнула глаза. В полутьме шатра они изменили цвет и вместо голубых показались зелеными, как водяная трава. Ее золотистые, как бледный луч, волосы были распущены — Игорь увидел их впервые — и окутывали ее шелковистым покрывалом. Однако скрывали не все — ворот сорочки были так вольно распахнут, что взгляд Игоря уперся в обнаженную грудь. В волосы Талицы были вплетены желтые цветы, коих так много в эту пору, а яркие губы, обычно строго сомкнутые, вызывающе улыбались.

От неожиданности, невозможности этого зрелища Игорь растерялся. Голова пошла кругом. Это сон? Талица, не давая ему времени подумать, снизу обвила руками его шею и потянулась к нему с поцелуем. Его губы оказались жадными, требовательными — словно она годами мечтала о таком случае и вот наконец дождалась. Теплый шелк сорочки, запах влажных трав от ее волос обрушился на чувства Игоря, оглушил, подчинил, лишил рассудка — он сам не заметил, как склонился над Талицей, отвечая на поцелуй. Она глухо, с торжеством засмеялась, ее руки живо скользнули ему под сорочку, без слов говоря — не будем терять времени...

Длинный костер, на котором жарили добытую дичь, давно догорел, легкие порывы ветерка бросали облачка белесой золы на обглоданные кости и притоптанную траву вокруг костяка. Пять-шесть отроков, постарше и помладше, сидели в тени березы; кто-то спал, растянувшись на кошме, Стремил и Борыня играли в кости на расстеленном плаще.

— Не пора ль нам собираться? — Еще один из старших гридей, Радобуд, наскучив следить за игрой, взглянул из-под руки на солнце. — Пока до Великославля доберемся, как раз и вечер. Тихунко! — окликнул он одного из молодых. — Поди глянь — князь спит? Если да, не буди, а если нет, спроси, велит ли стан сворачивать.

Тихун, длинный тощий отрок, обладатель отросших русых волос и едва пробившихся усов, лениво встал, всем видом давая понять, как неохота ему шевелиться. Радобуд усмехнулся в бороду и подтолкнул его широкой ладонью; гриди засмеялись.

Шаги по траве и земле были почти не слышны. Еще не дойдя до шатра, Тихун услышал изнутри странные звуки. Приглушенные выкрики... стоны... «Князь захворал!» — мелькнула несущая испуг мысль. Но тут же отрок сообразил: это похоже на другое... Но это другое было здесь, в лесу, совершенно невозможно. Не веря ушам, он отодвинул полог шатра и заглянул. Отпрянул и спешно вернулся к товарищам.

— Что? — Радобуд заметил, что у посланца странное лицо. — Спит он?

— Да какое спит... Он там... с бабой... — ответил Тихун, сам изумленный своими словами.

— Что ты несешь, с какой бабой?

— Самому бабы мерещатся! — хмыкнул Борыня.

— Перегрелся паренек!

— Откуда здесь бабам взяться?

— У нас всего одна и есть... — Гвоздец перевел взгляд на Стремила и осекся.

Одна баба в дружине есть. И если князь правда с бабой, это может означать только...

Стремил переменился в лице. Пять пар глаз уперлись в него с недоумением, недоверием, испугом.

— Да ты коли брешь... — тихо, с такой угрозой промолвил он, мельком глянув на Тихуна, что тот попятился.

Пролог

Рехнулся он, что ли, — перед всеми срамить жену старшего из гридей?

Отбросив коровий рог, служивший для игры, Стремил вскочил и живо устремился к князьему шатру.

Но не успел он сделать и трех шагов, как полог взметнулся и наружу показалась женщина. Все у потухшего костра разом охнули — это была Талица, но в каком виде! Никто, кроме Стремилы, не видел ее в одной сорочке и с распущенными волосами. Мужчины вскочили, как при виде опасности, у каждого мелькнула мысль о том месте, где он оставил свое оружие, — по привычке, как при всяком внезапном и неприятном потрясении.

Гневно и негодуяще вскрикнул Стремил. Его жена — едва одетая! — на пороге княжьего шатра, на глазах у всей дружины! Он подался к ней, не веря глазам; Талица выскочила из шатра и резвой ланью метнулась к собственному, шагах в двадцати дальше по берегу.

— Лешачья мать!

Стремил бросился за ней. Талица нырнула в свой шатер, несколько желтых цветков, оброненных на бегу, остались на траве, отмечая ее путь.

Несколько мгновений спустя Стремил тоже достиг своего шатра, рыком отбросил полог и скрылся внутри.

— Ты что это творишь, гульня бессоромная! — загремел оттуда его голос среди безмятежной тишины летнего дня. — Перед дружиной меня позоришь! С ума ты сбрела, блудня ззорная! Перед князем!

В ответ раздался слабый крик, прерывистый, как будто того, кто его издает, немилосердно трясут.

— Тихой прикидывалась, а у самой вон что на уме! — продолжал кричать Стремил. — Ляд тебя бей! Потаскуха ты бесстыжая! Жупелица скверная! Да как ты посмела меня... перед людьми... у всех на глазах...

Сквозь его яростный голос лишь чуть прорывался голос женский; сквозь шум какой-то возни вдруг раздался звук

удара и отчаянный крик. Гриди и отроки — их собралось уже более десятка — не сводили глаз со Стремилова шатра, застыв в испуге и недоумении. Такого раздора непотребного никто не ожидал, всем было неловко и тревожно.

Стены шатра колебались, будто внутри происходит борьба. Полог взметнулся, и наружу выскочила Талица. Теперь она была в платье голубой шерсти, длинные золотистые волосы заплетены в косы, но эти косы, обычно уложенные вокруг головы и упрятанные под повой, свободно свисали до пояса. Упав на колени, Талица барахталась, пытаясь подняться, но путалась в подоле платья. На щеке ее краснел широкий след от удара, голубые глаза были выпучены, вид потрясенный.

Вслед за ней из шатра вылез Стремил — широкий, яростный, темнобородый, чисто медведь, потревоженный в берлоге. В руке он держал женин повой, видимо, сорванный с ее головы, и норовил хлестнуть ее им. Талица немного отползла, сумела все же встать на ноги и отскочила; тут Стремил ее настиг и снова ударил по лицу — медвежьей лапой, со всего размаху. Талица с криком отшатнулась, прикрывая голову руками; на лице ее, во всем облике, в каждом движении отражались дикий испуг и недоумение.

Шатер их стоял выходом к озеру, и Талица, спасаясь от разъяренного мужа, метнулась к воде. Но Стремил еще не закончил: ревность и позор на глазах у дружины привели его в состояние нерассуждающей ярости. Он готов был в порошок стереть ту, которую еще нынче утром обожал. Изрыгая проклятья, он бежал за ней; Талица обезумевшей ланью метнулась туда, сюда, но не приближалась к людям, не ожидая от товарищей мужа никакой помощи. А те лишь наблюдали, раскрыв рты; все чувствовали стыд из-за прилюдного непотребства, но никто и не думал вмешаться.

Спасаясь от лоящих ее медвежьих лап — Стремил был не менее зверя и силен, и подвижен, — Талица оказалась на самом берегу. От полосы песка в воду уводил дощатый при-

ПРОЛОГ

чал на сваях, длиной шагов в десять. Не имея другого пути, Талица шагнула на него; впереди была только вода озера, но ужас привел ее в такое состояние, когда разум видит только ближайший шаг, а каждый прожитый миг уже кажется победой.

Причал заскрипел, когда на него прыгнул Стремил. Как тень, Талица отшатнулась от его протянутых рук — дальше по причалу. Но вот и край. Она застыла, едва не сорвавшись в воду, вскинула руки, крикнула в небо что-то по-гречески — взывая о помощи к тому единственному другу, что у нее был. И тут же широкие ладони Стремилы сомкнулись у нее на шее, стиснули и вздернули в воздух. Ноги ее оторвались от досок причала, тело забилося, но кричать она не могла.

— Да чтоб тебя свята земля не приняла!

Одной рукой держа Талицу за шею, Стремил перехватил ее за пояс, с усилием поднял тело над собой — будто тонкую березку — и швырнул в воду.

Пролетев несколько шагов, с шумом и плеском Талица упала в озеро. Разом вскрикнули гриди на берегу и князь Игорь, в изумлении наблюдавший за концом погони от своего шатра. Широкая волна рванулась к берегу, лизнула песок. Во взбаламученной воде мелькнуло нечто светлое, потом исчезло. Волны разошлись — и успокоились. Лопались на воде пузыри воздуха. Свидетели не отрывали глаз от того места, куда упала Талица, но там двигались только волны. Все тише и тише — и вот снова заиграли на мелкой ряби солнечные блики.

Стремил стоял на конце причала, сам едва ли понимая, что произошло. Опустив руки, смотрел на воду. Постепенно менялся в лице. Ярость уступала место угрюмости.

Тихун переглянулся со своим другом Бельцом, сделал легкий знак: может, поищем? Белец коротко мотнул головой — Стремилу решать, что делать.

Стремил глубоко дышал, его широкая грудь под взмокшей от пота льняной рубахой сильно вздымалась. Могучие

НЕЛАДНАЯ СИЛА

кулаки сжались. Потом он махнул рукой — кончено дело! — и, ни на кого не глядя, ушел к себе в шатер. По пути наступил на желтый цветок, который выронила из волос преступная жена, убегая из княжьего шатра.

Гриди молча переглядывались. В траве на полпути к берегу валялся смятый шелковый повой. На серебряно-голубой глади озера качались улыбки солнца...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дева в доловине

Глава I

Лес, еще голый, полнился пением черных дроздов — Устинья заслушалась, пока шла. Однажды в трели их замешался крик лебедей — пара пронеслась над вершинами леса. Устинья, сколько смогла, проводила их глазами — к Черному болоту полетели...

Снег сошел с полей, и по всем приметам пришло время пахать под овес. Дядька Куприян третий день трудился в поле, и Устинья носила ему на пашню поесть. Пора настала самая тяжелая, припасы на исходе, хорошо, куры начали нестись. В лукошке Устинья несла два печеных яичка, две вареные репки, горбушку ржаного каравая да луковицу: вот и весь дядькин обед. По пути через лес присматривалась, где виднеется на серо-буrom лесном ковре свежая зелень: по пути домой собрать в то же лукошко и сварить к вечеру щи. У них еще оставалась солонина, крупа и лук — богатое житье. До начала пахоты Куприян несколько раз ходил в лес стрелять уток, и Устинья надеялась, он сходит еще, пока пролет не кончился. В такое время радуешься, коли есть чем сегодня перекусить.

Скользя глазами по лесной земле, она то и дело натыкалась на россыпи первых цветов: белых подснежников, жел-

¹Тридцатьдевят: девяносто (др.-рус.) — девяносто, тридцатьдевят — трижды по девяносто, то есть двести семьдесят. (Здесь и далее примечания автора.)

той примулы в морщинистых листочках, голубой пролески. Особенно много было вдоль дороги мать-и-мачехи — так и провожала идущую девушку десятками ярких желтых глаз. Устинья отвечала неприязненным взглядом. Эти цветы — первое, что выпускает наружу мать-земля, просыпаясь после зимы, и эти первые дети ее недобры. Их желтые и белые глаза лишь кажутся веселыми — вместе с ними приходит весенний голод, лихорадки, грызущие ослабленные долгой зимой людские тела и души. Листья медуницы и мать-и-мачехи потому и помогают от кашля и прочих грудных хворей, что приходят вместе с ними. Дядька Куприян что ни день их собирает и наговаривает: то одному недужному, то другому. Вчера вот тетка Хавра приходила, тоже на жабную болезнь¹ жаловалась. Куприян — знахарь сильный, умеет договориться с душой всякой хвори. Устинья не любила, если дядька «принимался за старое», вспоминал те времена, когда был волхвом. Но признавала: лучше его во всей Великославльской волости пользуется только баба Параскева из Сумежья, да, может, монастырский пастух Миколка, а волость-то велика! Девять погостов², деревень больших и малых три десятка. К Куприяну не из одних Барсуков ходят, а бывает, что из дальних концов волости. Поначалу он отказывался: мол, развязался я с этим ремеслом, не служу больше бесам! А пришлось прежнюю науку вспомнить. С тех пор как прошлым летом отец Касьян, поп сумежский, исчез бесследно, на всю волость остался один-единственный священник — старичок-монах, отец Ефросин, что живет в келейке в лесу близ Усть-Хвойского монастыря. Обе церкви божи, в Сумежье и в Марогоще, стоят запертые, пения нигде нет, вот народ и зачистил со всякой бедой к бывшему волхву...

¹Жабная болезнь — народное название болезней горла.

²Погост — в раннюю эпоху не кладбище, а селение, административно-территориальная единица древней Новгородской земли. Волостной погост — административный центр волости.

На опушке бродили две косули; не испугавшись человека, только смотрели, как Устинья проходит мимо. Она вышла в поле, и весеннее солнце разом пролило на нее волну золотистого света — на душе стало легко. Голодная, холодная весна минует, скоро станет много зелени, пойдут грибы и ягоды, а там и первый овощ... В поле перекинулись чибисы, по дальнему краю прохаживались два журавля, и Устинья остановилась поглядеть на них. Но и здесь ее подстерегала лихорадкина стража — мать-и-мачеха таранилась на нее, цепью протянувшись вдоль оврага.

Пахал Куприян на своей же делянке, доставшейся ему от отца: лет двадцать она отдыхала, прошлой весной ее сожгли и засеяли, теперь Куприян ее распахивал. Старая Несудова пашня упиралась в бор, носивший название Тризна. В нем, заросшие соснами, стояли древние могильные курганы. Старики рассказывали, что в тех курганах погребены витязи князя Игоря, что давным-давно пали в битвах с литвой. Насчитывали их то ли семь, то ли девять, а более мелких насыпей, что уже почти не видны, и не счесть. Из-за курганов тот лес никогда не сводили на пашни, да и ближайшую к нему делянку никто не смел пахать, кроме старого Несуда, а потом его сына. Ходили слухи, будто давным-давно, еще до князя Владимира, было при тех могилах святилище идольское, и будто, мол, по сей день случаются там всякие нехорошие чудеса. Если, мол, скотина случайно забредет — не видать больше той скотины.

Своего дядьку Устинья обнаружила посреди поля — лошадь стояла, помахивая хвостом, а Куприян возился возле лемеха. Старшему брату покойного Устиньина отца, попа Евсевия, шел пятый десяток, и на то, как обычно представляют волхвов, он ничуть не походил. Был это не старец с длинной бородой, высохшим лицом и злобными глазами, а напротив, коренастый мужик в расцвете сил, с широким добродушным лицом, толстым носом, глубоко посаженными серыми глазами. Лишь в русой густой бороде возле